

"У Шостаковича все запущено в будущее"

Сегодня, в день девяностопятилетия Дмитрия Дмитриевича Шостаковича в Большом зале Филармонии выступит его сын Максим - с заслуженным коллективом России Академическим симфоническим оркестром. Он исполнит Праздничную увертюру, Первый фортепианный концерт (солистка Ирина Чуковская) и Пятую симфонию. Никогда не публиковавший мемуаров, Максим Шостакович поделился своими воспоминаниями об отце с корреспондентом "Смены" Надеждой Маркарян.

- Максим Дмитриевич, что для вас наиболее значимо в личности отца?

- То, что он не был эйфорической фигурой какой-то. Не был отрешенным от мира создателем. Наоборот. Это был простой человек. Который ходил по улицам. Покупал в ларьке свои папиросы - "Казбек", он их курил. Видел все вокруг. Был очень наблюдательный. Был в гуще этой жизни. Простой жизни. А не как, например, Шолохов, который жил где-то в станице, в отдалении. Или как партийные функционеры жили тогда за заборами, не желая знать, что происходит вокруг. А Шостакович был именно с людьми, для них писал.

- А он замечал разницу между своим величием и тем, как система заставляет его существовать?

- Ну а как же? Он даже посмеивался в своих сочинениях. У него есть такое произведение - "Предисловие к полному собранию моих сочинений". Там он смеется над дурацкими навешанными на него званиями. Он как раз этим хотел подчеркнуть свою близость к настоящим простым людям.

- Он именно от этой системы не хотел ничего принимать?

- Это было бы в любой системе. Прос-

то он такой человек - в гуще людей, в гуще неурядиц, радостей. Меня как-то один журналист спросил: "А что было бы, если бы Шостакович жил в свободном, демократическом государстве - наверное, он писал бы совершенно другую музыку?" Не думаю. Он был великий художник. Он отражал все общечеловеческое. А общечеловеческие обстоятельства - везде.

- Шостакович был самокритичен? Есть какие-то произведения, которые, вы точно знаете, он особенно любил, и те, что казались ему менее удачными?

- Как-то он мне сказал: "Не дирижируй Второй и Третьей, "Первомайской" симфониями. Я их не люблю". Ну

раз он сказал, так я уж и не дирижирую. Хотя, с другой стороны, это тоже зеркало времени. Музыка авангарда. История. Я понимаю, почему он так говорил. Потому что именно эти произведения на первый взгляд кажутся официальными. Но они заброшены в будущее, по ним можно будет судить о времени, когда они написаны. У Шостаковича все заброшено в будущее. Сейчас "умирают в России страхи". А когда эти симфонии писались, и Четвертая тоже, страхи еще не умирали. У него все запущено в будущее и работает на будущее. На вечность.

(Окончание на 7-й странице)

"У Шостаковича все запущено в будущее"

(Окончание. Начало на 1-й странице)

- Чем было продиктовано второе, в 1963 году, обращение к "Леди Макбет Мценского уезда"? Ведь внутренние Шостакович, конечно, не мог соглашаться с партийными постановлениями, со статьей 1936 года "Сумбур вместо музыки".

- Я вам скажу такую вещь. Он ни одно свое произведение не переделывал. Никогда. Кроме "Катерины Измайловой". "Катерина" - это было что-то вроде условия, ему поставленного. Потому что, когда все эти партийные бонзы понимали, что больше нельзя запрещать эту оперу, они, видимо, испытали остаток стыда за то, что сделано. Они просто боялись взять это на себя, потому что когда прозвучит эта самая гениальная опера, то они окажутся в дерьме. Вы что же, скажут, запрещали-то? Потому что они решили эту ответственность как бы возложить на автора, заставив его сказать, что он сам был недоволен первой редакцией "Леди Макбет" и потому переделал. А вот теперь, когда он переделал, он сам рад - и нам очень нравится. Это какое-то перенесение ответственности за то безобразное, за то безумное хамство - не знаю, как это еще назвать.

- А Дмитрий Дмитриевич тяжело переживал это хамство? Или он считал, что на него возложена некая миссия и он должен нести свой крест?

- Нельзя сказать, что он как-то думал о своей миссии. Это был огромный удар по нему.

- Вы имеете в виду именно тридцать шестой год?

- Да. Но, конечно, он всего этого и ожидал. Перед премьерой Четвертой симфонии он понял, что лучше ее забрать, иначе учинят погром. Он очень мужественный человек. И очень мужественно все перенес. Но для любого человека это травма. Особенно, когда он осознает, что написал. А Шостакович понимал отлично.

Знал цену себе и своей опере. Но я не отношусь к тем людям, которые считают, что вот "Леди Макбет" - хорошо, а переделанное хуже. Нет. Он добавил замечательные антракты. Конечно, язык был вычищен, все, так сказать, крепкие выражения, которые были в "Леди Макбет" и усиливали эту музыку, ушли. Я мечтаю о том, что, если буду ставить эту оперу в следующий раз - а я дирижировал и "Леди", и "Катериной", - сделаю нечто среднее. Слова, конечно, надо оставить из первой редакции, но и не пожертвовать теми антрактами, которые он добавил в "Катерине". И не выбросить эротический антракт из "Леди Макбет", который во второй редакции пришлось убрать.

- Максим Дмитриевич, вот вы говорите, что Шостакович все видел, все знал, что он ждал этих погромов. А он понимал, что его музыкальный язык опережает время? Или что он видит какие-то вещи, которых не надо видеть в нормативной системе?

- Вы имеете в виду "Леди Макбет"?

- И Четвертую симфонию тоже. Он слышал ее, понимая, что раздражит кого-то. Чем?

- Ну Четвертая симфония пессимистическая. В то самое недоброе время это вызвало подозрения у вышестоящих инстанций. Если человек пессимист, значит, ему что-то не нравится. Недовольный. Почему нет апофеоза? Почему нет всеобщей радости? Мажора всепобеждающего? Значит, ты, брат, скрываешь свое лицо. Ты не все, как один, плечом к плечу. И он подумал, что это несвоевременно. И решил убедить себя.

- А в жизни к людям Шостакович был очень требователен?

- Как и к себе. Честность, порядочность - обязательны.

- Круг общения у Дмитрия Дмитриевича был большой?

- Просто общения был большой круг, но очень небольшая горстка людей, с ко-

торыми он мог быть открыт. Два-три друга у него было. И все. Лео Арнштам, кинорежиссер. Исаак Давидович Гликман.

- Недавно он опубликовал письма Шостаковича.

- И Иван Иванович Соллертинский - тоже человек, с которым Шостакович был открыт. А остальные были так - приятели. Приятелей много, друзей - нет.

- Когда наступили послабления в системе и Шостакович стал выезжать за границу...

- ...А он, кстати, очень мало был за границей: в Чехословакии в сорок седьмом году, в Соединенных Штатах на Конгрессе борцов за мир в сорок девятом. Потом еще несколько раз ездил. Но вообще он домосед был, тяготился поездками, не любил их. Кроме того, за границей его терзали журналисты. Не понимая обстановки, они задавали такие вопросы, на которые не могли получить ответа - в той же Америке. Честный ответ - это было чревато. Как в Тринадцатой симфонии, помните, там есть такая фраза:

Ученый свергнет Галилея, Но Галилей был не глупее.

Он знал, что вертится земля, Но у него была семья.

Понимаете? Подставить под удар своих детей, меня, например, он, конечно, не мог. И считал глупыми тех людей, которые позволяли себе терзать его такими тривиальными вопросами.

- Легко быть сыном Дмитрия Дмитриевича или тяжело?

- Это счастье. А тяжело только потому, что очень непосредственно воспринималась всякая несправедливость. Нам, детям, это было очень больно. Мы ведь были маленькие.

- А осознавали его масштаб с раннего детства?

- Конечно, сколько себя помню, столько понимал, что с неординарным человеком живу.

- Понимаете - и тут такая травля?.. Помню себя в школе, сорок восьмой год, учительни-

ца по музлитературе: "Максим, встань и Расскажи, какую формалистическую и антинародную музыку пишет твой папа". Я говорил: "У меня болит живот, я пойду домой". И уходил из класса. Да и позже тоже. Если вспомнить историю Тринадцатой симфонии, когда уже вроде бы оттепель была. Симфония тоже насторожила всех функционеров. Была на грани запрета. Дирижеры отказывались дирижировать от страха, солисты от страха отказывались. И Четырнадцатая симфония, потому, что она о смерти, тоже настораживала. Они хотели сделать Шостаковича рупором наших успехов, достижений, всеобщего светлого счастья. А не получалось.

- Рассказывают, что после очередной проработки коллеги по Консерватории боялись подойти к Шостаковичу, позвать его руку. Он относился к этому мудро или воспринимал тяжело?

- Те, кто жал ему руку, - он знал заранее, что они пожмут. Иногда он был приятно удивлен, когда кто-нибудь ему подавал руку неожиданно. Это был показатель людей.

- В ваших отношениях с отцом все было сформулировано? Он говорил с вами об изуродованной правдивости?

- Что-то говорило словари. Что-то - через музыку. Все, что я прожил с ним в этой жизни, все вошло в меня. Это воспитание. И в силу того, что я прожил с ним жизнь, я, когда играю, слышу его голос, его самовыражение. Его жизненная речь, его характер - они очень слышны в музыке. Это его слова, его манера говорить. Как будто он стоит рядом со мной и говорит. Его музыка - это он.